

DOI: 10.15372/HSS20150420
УДК 94(47+571).084.6

В.В. ВВЕДЕНСКИЙ

ЭЛЕМЕНТЫ СЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1930-е гг.*

Владимир Викторович Введенский,
инженер, Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: vvedenskiyv@yandex.ru

В статье проанализировано влияние элементов сельской среды и сельского образа жизни на состояние социальной сферы и образа жизни в городах Западной Сибири в 1930-е гг. Привлечены данные о социальном составе городского населения в указанный период, свідельства о реакции населения на непривычные условия жизни, а также сведения о действиях региональных и городских властей по организации городского пространства. Показано, что бывшие сельские жители транслировали в повседневной городской жизни традиционные для селян модели поведения, что выступало одним из механизмов адаптации к непривычным для них условиям. В свою очередь, руководство стремилось адаптировать некоторые рудиментарные, в условиях индустриального города, элементы к потребностям осуществления индустриального строительства в городах.

Ключевые слова: Западная Сибирь, индустриализация, урбанизация, повседневная жизнь, городское пространство, рурализация, социальные трансформации.

V.V. VVEDENSKIY

ELEMENTS OF RURAL ENVIRONMENT IN THE URBAN SPACE OF WESTERN SIBERIA IN THE 1930s

Vladimir V. Vvedenskiy,
Engineer, Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: vvedenskiyv@yandex.ru

The author aims at revealing how the elements of rural environment and the rural way of life influenced the social sphere and lifestyle in the cities of Western Siberia in the 1930s. Within the stated period a number of industrial urban settlements in Western Siberia increased significantly. As conceived by the country's leaders and theoreticians of urban development the formation and development of the new industrial cities was to be in accordance with a clear plan. While carrying out these projects the authorities faced a number of difficulties that prevented the full implementation of the projects. The difficulties lay in the lack of material resources for the projects, as well as in the fact that citizens were unprepared for such work. A significant percentage of the new city dwellers were born in the rural areas.

Migrants from the rural areas that had settled in the West Siberian towns tried to adapt to the new living conditions and to the emerging urban environment while reproducing their usual behavior patterns. Moreover, the former peasants influenced the formation of the urban area and social relationships in the new cities. In their turn, the authorities both at the regional and national levels attempted to adapt the behavior patterns of the «new urban citizens» so as to solve the tasks of economical and social modernization according to the plans of industrial development. Upon that, the authorities not only stimulated modernization factors affecting population, but also strove to take control of the «chaotic» elements of the traditional style of life and to incorporate them into the space of the emerging industrial towns. As a result, urban space included elements of social environment, extraneous for the industrial cities. Some of these elements were the legacy of the rural way of life, others were the product of rapid urban growth.

Key words: Western Siberia, industrialization, urbanization, daily life, ruralization, urban space, social transformation.

В период первых пятилеток советским обществом решались масштабные задачи в экономической и социальной

сферах. Задача осуществления индустриальной модернизации народного хозяйства была продиктована необходимостью преодолеть отставание страны от крупнейших мировых держав. Задача модернизации общества основывалась на необходимости качественно изменить человека, его образ жизни.

*Исследование выполнено за счет гранта РГНФ, проект № 14-01-00068а

Полигоном модернизации народного хозяйства и общества должны были стать города и поселения городского типа. Количество городских поселений в изучаемый период существенно увеличилось, именно в них в первую очередь происходили качественные изменения в социальной сфере.

На состояние социальной сферы и образа жизни населения в городах и городских поселениях оказывали влияние три основных фактора: во-первых, принципы и нормы традиционного общества; во-вторых, процесс становления индустриального общества и, в-третьих, задачи и программные установки, исходившие от правящей партии [1, с. 246]. При этом следует учитывать, что процесс становления индустриального общества и программные установки были логически связаны: программные установки являлись теоретическим практико-ориентированным обеспечением трансформации общества. Принципы и нормы традиционного общества, будучи выработанными в предыдущий период жизни народа и закрепленными в коллективном сознании, в логику социальных трансформаций не укладывались. Влияние указанных факторов распространялось в том числе и на формирование пространства городов – той среды, в которой должны были жить и работать советские граждане.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР разрабатывались проекты организации городского пространства, осуществление которых должно было повлиять на изменение образа жизни людей и способствовать трансформации социума. Авторы проектов учитывали необходимость развития народного хозяйства в индустриальном ключе, а также руководствовались идеологическими установками и основанным на них пониманием вектора трансформации общества. Можно выделить ряд общих положений у приверженцев разных взглядов на развитие городов в Советском Союзе. Устройство нового социалистического города должно было способствовать формированию нового образа жизни и соответствовать хозяйственным функциям поселения: численность населения должна соответствовать потребностям производственного сектора, планировка городских улиц и кварталов способствовать быстрому передвижению жителей к местам работы и отдыха, сеть учреждений коммунально-бытового обслуживания удовлетворять большую часть повседневных бытовых потребностей жителей, застройка жилых кварталов производиться капитальными многоквартирными домами с подключением к системе коммунальных сетей. Концепция соцгорода не ограничивается озвученными положениями, но в данном случае нас интересуют именно они. Эти положения содержатся в работах Л.М. Сабсовича, Н.А. Милюткина и других теоретиков [2; 3].

На практике в формировании городской среды в Западной Сибири сложилась несколько иная ситуация. Даже к концу 1930-х гг. районы одного и того же города существенно отличались по типу жилой застройки, степени развитости системы коммунально-бытового обслуживания, благоустроенности. Наиболее приближенными к модели современного индустриального города были центральные районы городов. Эти районы застраивались капитальными многоквартирными зданиями, присутствовала четкая планировка улиц и кварталов, в первую очередь здесь развивали коммунальные сети. В центральной части города находилась большая часть общественных учреждений и учреждений культуры, обще-

ственного питания и торговли. В обустроенное капитальное жилье в первую очередь заселяли руководящих работников и ударников производства.

Несмотря на «элитарный» характер центральных городских районов, уровень их благоустроенности оставался недостаточно высоким. В 1934 г. при обследовании нового жилого фонда предприятий Омска, уже сданного в эксплуатацию и частично заселенного, были отмечены разного рода недостатки: отсутствие электроэнергии, водопровода, канализации, теплых уборных, центрального отопления¹. Отмечалось, что в отдельных случаях холод в квартирах капитальных домов заставлял рабочих «убегать из новых каменных домов во временные бараки к строителям»². Подобного рода недостатки и недоделки фигурируют в документах, исходящих как от профсоюзов, так и от партийных органов. Эти недоделки по мере возможности старались исправлять, выделяли субсидии на ремонт.

В то же время имелись и тенденции иной направленности, связанные как с нехваткой средств на социальную и коммунальную сферы, так и с особенностями формирования населения сибирских городов. Население новых и старых городов Западной Сибири в указанный период формировалось в значительной степени за счет мигрантов из сельской местности. С 1926 по 1937 г. численность городского населения Западной Сибири увеличилась на 72,2 %. Причем, среди вновь прибывших в города доля выходцев из сельской местности составляла 68,5 % [4, с. 95]. В начале указанного периода в отдельных районах края темпы миграционного прироста численности городского населения были еще более высокими: с декабря 1926 г. по январь 1931 г. численность городского населения Кузнецкого каменноугольного бассейна увеличилась на 162 % [5, с. VIII]. Таким образом, среди населения сибирских городов в 1930-е гг. существенную часть составляли носители традиционных норм жизни.

Обилие сельских мигрантов в совокупности с отставанием темпов создания городской инфраструктуры оказывало влияние на формирование городского пространства. В городах сложилась практика самовольного строительства жилья (в обиходе того времени – «самострой»). Эта практика рассматривалась в качестве значительной проблемы в партийных органах края. В докладной записке о мероприятиях по развитию жилищно-коммунального и социально-бытового строительства в г. Сталинске (Новокузнецке) в 1932 г., поступившей на имя Р.И. Эйхе, «самостроям» была дана следующая характеристика: «Земляночный сектор, обложивший 10 тысячным кольцом дерновых халуп с населением в 50–70 тыс. человек, Соцгород и площадку комбината, выросший за год на 50 %, настолько крупное социально-политическое явление, что игнорирование его, которое характерно для данного момента, дальше не терпимо»³.

Несмотря на стремление партийных и хозяйственных органов ликвидировать самовольную застройку, она сохранялась и к концу 1930-х гг. Примечательно, что к борьбе с этим явлением подключились и сами жители, проживав-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 627. Оп.1. Д.1069 «а». Л. 59, 60.

² Там же. Л. 66.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 384. Л. 58.

шие в непосредственной близости с самовольно возведенными «кварталами». В мае 1937 г. один из жителей г. Омска жаловался в редакцию газеты «Омская Правда» на появившийся недалеко от центра города «самострой»⁴. В июле того же года в редакцию газеты вновь поступило письмо со схожей жалобой, которое было переправлено из редакции в городской совет Омска. После обследования «самостроя» техником жилфонда и инспектором горсовет передал дело в народный суд⁵.

Партийные органы и рядовые городские жители расматривали кварталы самовольно возведенного жилья как источник потенциальной угрозы городу и его жителям. Так, автор упомянутого выше письма в газету прямо указывал на опасность распространения пожаров, антисанитарию и наличие «непрописанного темного элемента», т. е. угрозу криминального характера⁶.

Одновременно с ликвидацией самовольно возведенных индивидуальных жилых построек в городах велась работа по строительству капитальных индивидуальных домов, изначально не предусмотренных генеральными планами. На постройку и приобретение индивидуальных домов горожанам выделялись денежные средства и строительные материалы. К примеру, в Сталинске (Новокузнецке) в 1935 г. ФЗК металлургического комбината добился выделения рабочим кредита в 50 тыс. руб. на покупку индивидуальных домов, а также материалов для ремонта уже имеющихся⁷. В целом в городах Сибири доля индивидуальной жилой застройки составляла на 1931 г. 72,8 % от всего жилого фонда. К концу 1930-х гг. доля индивидуальной застройки в общем объеме прироста жилплощади хотя и снизилась до 40–50 % [6, с. 75], но фактически индивидуальный сектор составлял значительную часть городского жилого фонда. Показательны данные по отдельным городам региона. В Кемерове 76 % всего жилищного фонда составляли избы крестьянского типа и землянки, в Ленинске-Кузнецком на каменные капитальные строения приходилось лишь 7 % всего городского фонда [7, с. 13].

Значительная доля на территории городов индивидуальных домов с усадьбами, в совокупности с проблемами в снабжении городских жителей продуктами питания, возрождала в промышленных городах еще один элемент сельского пространства и сельского образа жизни. Горожане, проживавшие в индивидуальных домах, имели возможность содержать подсобное хозяйство. В материалах обследований жилищ и опросов рабочих-ударников содержатся сведения о наличии при частных домах огородов, возделываемых на них культурах, содержании в хозяйстве скота. Набор возделываемых культур не был велик и включал культуры (картофель, морковь, капуста), не требующие особых энергозатрат при их возделывании, что было существенно в условиях складывавшегося городского образа жизни. Однако и этот скудный набор, по оценкам самих жителей, существенно дополнял «продовольственную корзину» семьи⁸.

Роль огородничества в пополнении продовольственных запасов была оценена не только на низовом уровне, но и руководством страны. В начале 1930-х гг. была организована работа по развертыванию индивидуального рабочего огородничества, затронувшая не только жильцов индивидуальных усадеб, но и граждан, проживавших в бараках и капитальных городских домах. Постановлением СНК от 25 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального рабочего огородничества» был установлен план по охвату индивидуальным огородничеством в Западно-Сибирском крае – 100 тыс. рабочих семей. По данным на 1 апреля 1934 г. план был перевыполнен – профсоюзные организации привлекли к участию в программе 167 167 семей⁹ (в данном случае были учтены только пригородные огороды, приусадебные хозяйства горожан в эту статистику не попали, вероятно, потому, что создание приусадебных хозяйств было инициативой самих граждан, а не результатом деятельности профкомов).

К 1935 г. по сведениям, указанным в докладной записке Краевого совета профессиональных союзов в Крайком ВКП(б), 35–40 % всех рабочих Западно-Сибирского края имели свои огороды, а в промышленных районах эта цифра достигала 55–60 %. Автор записки подчеркивал, что индивидуальное огородничество становится «крупным хозяйственным фактором, с одной стороны, и мощным источником улучшения материально-бытового положения трудящихся – с другой»¹⁰. Другой докладчик отмечал побочный эффект развития подсобных хозяйств – благотворное влияние на уменьшение текучести кадров¹¹.

По степени влияния на повседневную жизнь стоит различать два типа огородничества, существовавших в городах Западной Сибири. Горожане, обрабатывавшие пригородные огороды, соприкасались с элементами сельского образа жизни на поверхности. После работ на таком огороде люди возвращались в городскую квартиру или барак и в любой момент могли отказаться от своего надела. Члены городских семей, имевших приусадебное хозяйство, уделяли хозяйственным заботам значительное количество свободного времени. Такая включенность способствовала не только консервации крестьянских представлений об укладе жизни у старших поколений, но и передаче этих представлений и навыков сельской жизни поколению людей, родившемуся уже в городской черте.

В местной периодической печати можно найти интересное сочетание деклараций создания нового города с фиксацией рудиментарных элементов. Автор статьи о городе Прокопьевске «Жемчужина Кузбасса» в журнале «Профработник» воспроизводит один из принципов социалистического города: «Мощные дома необходимы в социалистическом городе, – никаких куриных избышек!...» [8, с. 32]. Вместе с тем, в том же номере журнала другой автор в статье «Прокопьевск стал иным» [9, с. 27–29], начав повествование с достижений в сфере благоустройства города и описания жизни ударников, получивших квартиры в капитальных городских домах, заканчивает статью указанием цифр об уве-

⁴ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 799. Л. 611–612.

⁵ Там же. Л. 336–342.

⁶ Там же. Л. 611–612.

⁷ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1136 «а». Л. 116 об.

⁸ Там же. Д. 1120. Л. 131, 137, 149, 154–156.

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 467. Л. 268.

¹⁰ Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1136 а. Л. 43.

¹¹ Там же. Л. 117.

личении посевных площадей и разведении кроликов и крупного рогатого скота.

Обобщая процессы, протекавшие в городских поселениях Западной Сибири в период первых пятилеток, можно констатировать, что образ жизни горожан как система форм жизнедеятельности объединял новые и старые элементы. На процесс формирования городского пространства значительное влияние оказывали элементы традиционного сельского уклада жизни. Наличие и консервация этих элементов выпадали из логики модернизационных процессов, но оказывали влияние на социально-экономическую сферу и образ жизни значительной части городского населения. В результате спутником модернизации и урбанизации в Западной Сибири стал процесс «рурализации» или «одеревенщивания» городов [10, с. 100].

По замыслу руководства страны, формирование городского пространства в 1930-е гг. должно было носить плановый характер и включать в себя так называемые социальные элементы. В реальной жизни помимо плановой составляющей в формирующееся городское пространство включались инородные для индустриального города элементы организации социальной среды: одни из них были характерны для сельского образа жизни и привнесены в город бывшими селянами, другие не имели до того времени аналогов ни в сельской, ни в городской культуре и стали порождением бурного роста городов.

Мигранты, осевшие в городах Западной Сибири, старались адаптироваться к формирующейся среде и условиям жизни, используя привычные способы жизнедеятельности. В свою очередь, власти как на региональном, так и на общегосударственном уровнях, для решения задач модернизации экономики и общества стремились не только стимулировать воздействие модернизационных факторов, но и взять под контроль «хаотичные» проявления традиционных элементов, встроить элементы традиционного уклада жизни в пространство формирующегося индустриального города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исаев В.И.* Изменения социальной сферы в городах Западной Сибири в период форсированной индустриализации (вторая половина 1920-х – конец 1930-х гг.) // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 246–265.

2. *Сабсович Л.М.* Социалистические города. М., 1930. 124 с.

3. *Милютин Н.А.* Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. М.; Л., 1930. 85 с.

4. *Население Западной Сибири в XX в.* / под ред. Н.Я. Гущина, В.А. Исупова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 170 с.

5. *Солоницин Н.* Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса // Кузбасс. Результаты переписи городского населения. 1931 г. Новосибирск, 1931. С. V–XVIII.

6. *Букин С.С., Исаев В.И.* Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е годы). Новосибирск: Параллель, 2009. 198 с.

7. *Ефимкин М.М.* Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации населения Сибири в XX–XXI вв. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 3–45.

8. *Николаев К.* Жемчужина Кузбасса // Профработник. 1934. № 1. С. 30–34.

9. *Гречица И.В., Мицихин В.Л.* Прокопьевск стал иным // Профработник. № 1. 1934. С. 26–29.

10. *Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 2010. 433 с.

REFERENCES

1. *Isaev V.I.* Changes in social sector in the cities of Western Siberia in the period of accelerated industrialization (the second half of 1920 - the end of the 1930s.). *Regional'nye aspekty civilizatsionnogo razvitiya rossijskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii.* Novosibirsk: Parallel, 2013, pp. 246–265 (In Russ.)

2. *Sabsovitch L.M.* Socialist Cities. Moscow, 1930, 124 p. (In Russ.)

3. *Milutin N.A.* Sotsgorod. Problem of construction of socialist cities. Moscow; Leningrad, 1930, 85 p. (In Russ.)

4. *The population of Western Siberia in the XX century* / ed. N.Ja. Gushhin, V.A. Isupov. Novosibirsk: SB RAS, 1997, 170 p. (In Russ.)

5. *Solonicin N.* Dynamics of the number and the social composition of the population of cities of Kuzbass. *Kuzbass. Rezul'taty perepisi gorodskogo naselenija.* 1931 g. Novosibirsk, 1931, pp. V–XVIII (In Russ.)

6. *Bukin S.S., Isaev V.I.* Housing problem in cities in Siberia (1920s–1960s). Novosibirsk: Parallel, 2009, 198 p. (In Russ.)

7. *Yefimkin M.M.* Housing factor in the process of industrial adaptation of the population of Siberia in the XX–XXI centuries. *Opyt resheniya zhilishhnoy problemy v gorodakh Sibiri v XX – nachale XXI vv.* Novosibirsk: Parallel, 2008, pp. 3–45 (In Russ.)

8. *Nikolaev K.* Pearl of Kuzbass. *Profrabotnik.* 1934, no. 1, pp. 30–34 (In Russ.)

9. *Grechitsa I.V., Mischihin V.L.* Prokopievsk became another town. *Profrabotnik.* 1934, no. 1, pp. 26–29 (In Russ.)

10. *Vishnevsky A.G.* Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR. Moscow, 2010. 433 p.

Статья принята
редакцией 04.11.2015